

Отечественная натуралистическая и феноменологическая теория права и современная аналитическая философия сознания

Современная аналитическая философия тесно интегрирована в интеллектуальный контекст западноевропейской культуры. Определяя в первый период своего существования специфику философского мышления англо-саксонского мира, аналитическая философия оказывает заметное влияние и на развитие философской мысли стран с континентальной традицией. В России аналитическая философия слабо связана с отечественной философией, представляя собой некую автономную сферу мышления. Вместе с тем, можно указать на раздел философского и научного знания, для которого аналитическая философия в целом и разработки аналитической философии сознания могут представлять определенный интерес.

На наш взгляд, аналитическая философия сознания, и, в частности, комплекс концепций Джона Сёрла могут быть использованы для теоретического обновления и методологической модернизации одного из направлений отечественной философско-правовой и теоретико-правовой мысли, связанного с развитием идей одного из крупнейших представителей Петербургской школы права Л.И. Петражицкого. Судьба созданной им психологической теории права была достаточно драматичной: современники ее встретили с некоторым недоумением. «Психологичность Петражицкого, — писал известный русский юрист А.С. Яценко, — заключается в том, что он своеобразную специфическую природу права хочет понять не через изучение права как объективированного явления, а через чисто психологическое изучение тех психических переживаний, которые соединяются у человека в связи с правовыми явлениями. Право изучается не как объективное явление общественной жизни, а как психическое явление» [1].

Итак, Л.И. Петражицкий создал один из первых в России вариантов менталистской, интерналистской теории права. В настоящее время основные конструкты этой теории можно уточнить либо интерпретировать с помощью теории Дж. Сёрла. Но представляет ли это предприятие какой-либо интерес, выходящий за пределы чисто академической дискуссии? На наш взгляд, ответ должен быть утвердительным.

Суть в том, что отечественная юридическая наука и философия права постоянно впадала в две крайности: либо «западнически» стремилась возвести в догму западноевропейские теоретико-правовые представления, либо «славянофильски» противопоставляла этим представлениям свою версию правовой реальности. Столкновение западноевропейского формализма и отечественного романтического идеализма в результате привело к тому, что у нас нет реалистической общей теории права. И, все же, основы ее были заложены Л.И. Петражицким и его последователями. «На нашем юридическом факультете, — отмечал И.Л. Солоневич, — подвизался, однако, профессор И. Петражицкий — творец первой более или менее русской теории права, — психологической теории» [2].

Следует заметить, что в теории Л.И. Петражицкого нет речи о славянофильской идеализации отечественной истории, ничего не говорится о миссии русского народа. Тем более, что Л.И. Петражицкий — ученый польского происхождения и получал образование в Германии, и часть его работ написана по-немецки. Главная заслуга Л.И. Петражицкого заключается в том, что он создал теорию права как

реального феномена человеческой культуры, ставшую методологической основой философско-правовых и теоретико-правовых учений ряда деятелей русской эмиграции. Именно в этом же духе И.Л. Солоневич доказывал, что общественная жизнь Московской Руси имела правовой (а не моральный, как это принято отмечать) характер, несмотря на отсутствие юридических факультетов и многочисленных законов. Именно по пути Л.И. Петражицкого пошли наиболее известные теоретики права «русского зарубежья» Н.Н. Алексеев и Г.Д. Гурвич, поместившие его менталистские идеи в контекст развития европейского философского интуитивизма.

Так, Н.Н. Алексеев указывал, что философским источником концепции Л.И. Петражицкого «является отнюдь не позитивизм и натурализм», а следует «искать этот источник в тех философских учениях, которые стремятся построить этику на изучении феноменологического состава актов любви и ненависти» [3]. Г.Д. Гурвич также видел перспективу интерпретации воззрений Л.И. Петражицкого средствами феноменологии и «философии жизни». «Метод чистого описания «переживания», соответствующего юридическому опыту (метод, который привел Петражицкого, к открытию эмоциональной интуиции, которой доступны данные права и нравственности), — писал Г.Д. Гурвич, — в немалой степени приближается как к методу А. Бергсона..., так и к методу современных немецких феноменологов (Гуссерль, Шелер и др.)» [4].

Что такое подобная интерпретация, кроме сближения с громкими европейскими именами? Во-первых, теория Л.И. Петражицкого тем самым помещается в контекст западноевропейской философской культуры. Метод, о котором говорит Г.Д. Гурвич, использовался феноменологами для расширения понятия опыта за счет распространения его за пределы чувственной сферы на сферу духовную. Во-вторых, такая интерпретация позволила несколько «объективизировать» концепцию Л.И. Петражицкого и преодолеть стандартные обвинения в ее адрес, а именно, обвинения в субъективизме, релятивизме и психологизме.

Сторонники феноменологической интерпретации полагали, что экспериментальная психология Вундта, на которую ссылался Л.И. Петражицкий, страдает существенными методологическими пороками, которых нет у феноменологии или «философии жизни». Вера в то, что европейский интуитивизм начала XX в. манифестирует окончательную философскую истину, сегодня уже не может считаться чем-то самоочевидным. В результате для преодоления так называемого «психологизма» Л.И. Петражицкого использовались подходы, которые хотя и решали некоторые методологические проблемы концепции, но слишком дорогой ценой. Н.Н. Алексеев и Г.Д. Гурвич несколько рационализировали психологическую теорию права посредством иррационализации ее философских оснований: наивный ментализм экспериментальной психологии уступил место утонченному спекулятивному ментализму феноменологии и «философии жизни».

Однако подобную цену готовы заплатить и современные отечественные исследователи. «И тем не менее, представляется, — отмечает известный российский теоретик права А.В. Поляков, — что взгляд Петражицкого на право только как на психическое явление не верен. Петражицкий исходил из ложной философской посылки, согласно которой существуют только две реальности: физическая (материальная) и психическая. Между тем, со времен, по крайней мере, Платона известен и третий вид бытия, не совпадающий ни с материальным, ни с психическим бытием. Это мир чистого смысла, или идей. Признание сферы идеального бытия, как не зависящего от индивидуального сознания, помогает объяснить, как вообще возможно существование объективного права» [5].

Подобные предложения, хотя и создают выгодный эвристический контекст интерпретации взглядов Л.И. Петражицкого, но представляются некоторой онтоло-

гической роскошью. Причем, вызывает сомнения не только «третий род бытия», но даже и психическая реальность, поскольку психологический реализм нуждается в дополнительном онтологическом объяснении, по крайней мере, в рефлексивном осмыслении.

Представляется, что отечественная интерналистская теоретико-правовая традиция, включая психологическую теорию Л.И. Петражицкого, феноменологическую концепцию Н.Н. Алексеева и диалектическую гиперэмпиристскую концепцию Г.Д. Гурвича, должна интерпретироваться не в контексте интуитивистских течений начала XX в., а в контексте современных аналитических представлений о природе сознания, психического и интенциональности. Такая интерпретация позволит избежать явно иррационалистических мотивов интуитивизма начала XX в. и создать менталистскую теорию права, которая имеет не только глубокомысленно-философский, но и внятный юридический смысл. Поэтому следует рассмотреть как возможность модернизации концепции Л.И. Петражицкого, натурализм которой отвергался интуитивистами, так и возможность натуралистической интерпретации интуитивистских доктрин Н.Н. Алексеева и Г.Д. Гурвича.

Как уже указывалось, основой такой интерпретации и натурализации может служить комплекс теорий Дж. Сёрла, в частности: теории интенциональности, теории сознания, концепции практической рациональности и теории социальной реальности. Достоинство этих теорий видится, прежде всего, в том, что они позволяют сформулировать онтологически и методологически допустимую концепцию психологического реализма, который может стать фундаментом правового реализма.

Сравнительно с феноменологическим подходом, аналитический подход имеет определенные преимущества не только чисто философского плана. Так, феноменологический подход, представленный, в частности, в современной теоретико-правовой литературе, дает чисто эйдетическое понимание права, то есть дает раскрытие смысла права. Достоинства же теории Дж. Сёрла видятся в том, что с ее помощью право можно рассматривать как реальный компонент человеческой деятельности, сохраняя тем самым идею понимания права как реального феномена, характерную для правовых реалистов Л.И. Петражицкого и Г.Д. Гурвича. Отличие подхода Дж. Сёрла от чисто феноменологического подхода заключается в теории интенциональной каузальности. Суть в том, что каузальность является не просто неким «теневым механизмом» правоотношений, а, по-видимому, существенно конституирует сам феномен права как таковой. Чисто феноменологический подход оставляет наше понимание феномена права недоопределенным в силу самореферентного характера тех ментальных феноменов, которые конституируют право, однако, не выявляются экспликативным анализом.

Не вдаваясь в детали, можно привести пример, посредством которого сам Дж. Сёрл поясняет свою идею. Чтобы нечто считать деньгами или собственностью, люди, включенные в соответствующие виды деятельности, должны иметь соответствующие мысли. Термин «деньги» указывает на то, что не только используется, но и рассматривается в качестве денег. Таким терминам присуще особого рода самореферентность. Поэтому для огромного числа социальных и психологических феноменов, понятие, их обозначающее, является составной частью этого феномена. По-видимому, и право является феноменом, аналогичным «деньгам». Таким образом, право — это феномен, имеющий существенно ментальный характер, хотя и более сложный, нежели эмоция, как думал Л.И. Петражицкий, либо специфическая интуиция длительности, непосредственно воспринимаемая в специфическом правовом опыте, как полагал Г. Гурвич.

И вместе с тем, оба отечественных теоретика имели некие основания для того, чтобы реальный феномен права связывать именно с иррациональными ментальны-

ми феноменами. Это обстоятельство вызывало некоторые недоумения у юристов, привыкших к отождествлению правовой реальности с реальностью формально определенных понятий. Кроме того, обратим внимание на тот факт, что современные теоретики права даже в учебниках представляют феноменологическую интерпретацию взглядов Н.Н. Алексеева как основу современного правопонимания [6]. Но Н.Н. Алексеев сознательно указывал на феноменологию лишь как на технический метод, связывая свои фундаментальные философские воззрения именно с «философией жизни». Г.Д. Гурвич также тяготел скорее к Бергсону, нежели к Гуссерлю. Возникает загадка: почему теоретики права, которые вполне отдавали себе отчет в консерватизме и формалистичности юридического мышления и не стремились сознательно к эпатажу аудитории, явно предпочитали иррационалистическую методологию?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос связан с признанием самореферентного характера правовых феноменов, а теория интенциональности Дж. Сёрла может рассматриваться как метод выявления компонентов поведения и речевой деятельности (а новые отечественные теории права не только феноменологические, но и коммуникативные), которые являются существенно имплицитными. Основа теоретической реконструкции этих имплицитных компонентов — понятие интенциональной каузальности. Именно оно позволяет выявить специфику феноменов сознания, которая утрачивается при экспликации их пропозиционального содержания. Например, главная особенность индексальных выражений — это свойство самореферентности. Его суть заключается в том, что с помощью индексального выражения показывается отношение указанного этим выражением объекта к высказыванию самого выражения. Например, выражение «я» указывает на человека, который его высказывает. Данный анализ не подразумевает, что выражение «я» синонимично выражению «человек, совершающий высказывание», поскольку индексальное выражение не устанавливает самореферентность, а только ее показывает. Таким образом, два человека могут произнести одно и то же предложение, например: «Я голоден», — однако выразить различные мысленные содержания. Как видим, некоторые формы интенциональности содержат элемент самореферентности, то есть не только детерминируют свои общие условия выполнения (или обладают вербализируемым содержанием), но еще и подразумевают (поскольку вербализируются только в результате экспликации) отношения, в которых данные условия должны находиться с самим интенциональным состоянием. Можно сказать, что убеждения по своему содержанию не выражаются только словами, так как включают в себя и невербальные формы интенциональности, например, индексальность или визуальный опыт.

Л.И. Петражицкий и Г.Д. Гурвич говорили о том, что правовая реальность является непонятной реальностью, она проявляется как специфическая бланкетная эмоция (Петражицкий) или рационализированная интуиция (Гурвич). Однако подобные решения стали основанием обвинений их в иррационализме. Правовая реальность не состоит только из понятий или только из эмоций и интуиций, поскольку она имеет довольно сложную интенциональную и самореферентную природу и теория права должна научиться отображать это обстоятельство.

Итак, теория интенциональности Дж. Сёрла предоставляет натуралистическую стратегию уточнения одного из основных принципов русской теоретико-правовой традиции, а именно принципа правового реализма. Но этим не исчерпывается возможности модернизации этой традиции средствами философии Дж. Сёрла. Можно указать еще на несколько аспектов русских философско-правовых воззрений, которые существенны для нее, однако, несут в себе мощный романтический и спекулятивный заряд. Суть в том, что отечественный философско-правовой дискурс имеет ярко выраженный персоналистический и аксиологический характер. Русская фило-

софия права настаивала на идее фундаментальности понятий личности и ценностей для теории права. Таким образом, в основе правоотношения находится личность, ориентирующаяся на ценность. «Право..., — писал Н.Н. Алексеев, — является определенным уровнем восприятия ценностей. Право есть «интеллектуальный» подход к ценностям, а не эмоциональный» [7]. «Глубочайшей основой идеи справедливости, — продолжал он же, — является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности, — мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства. Правильное отношение этих степеней и есть отношение справедливое» [8]. Для Г.Д. Гурвича, тесно связывавшего идею права с идеей справедливости, проблема ценностей также имела большое значение. «Бесспорным является то, — писал он, — что наиболее близки справедливости нравственные ценности и их высшая ступень — моральный идеал, служащий критерием иерархии ценностей, а в рамках данной иерархии, наоборот, для проведения различия между позитивными и негативными ценностями. Следовательно, предназначение идеи справедливости состоит в уточнении отношений между справедливостью и моральным идеалом» [9].

Право как ценность с необходимостью связана с идеей субъекта права как субстанциальной личности, а не как юридической фикции. Здесь Н.Н. Алексеев солидаризируется с И.А. Ильиным. «Право и государство, — цитирует Н.Н. Алексеев И.А. Ильина, — живут по существу в субъекте права, им, субъектом, его душой, его духом. Но субъект права — это не только понятие или категория, или абстрактная точка для умственного приложения полномочий и обязанностей; субъект права — это прежде всего, духовно организованная душа. ... Настоящий, не фиктивный субъект права способен чувствовать, желать и мыслить предметную цель права и государства, и потому он переносит эти духовные напряжения свои на самое право, и на самое государство, и на государственную власть, как на верные и достойные пути к этой цели» [10].

Нефиктивность субъекта права предполагает онтологию духовного, онтологию личности, которая открывает дверь скорее религиозно-философскому, нежели натуралистическому подходу. Таким образом, исходная натуралистическая позиция Л.И. Петражицкого привела в результате пусть и к глубокой в философском отношении, однако, явно спиритуалистической теоретико-правовой доктрине, которая юристами воспринимается в целом скептически. Воспитанные на традициях юридического позитивизма, юристы, как правило, не рассматривают религиозно-философские доктрины в качестве приемлемых теоретико-правовых доктрин. Такие доктрины просто не входят в юридический дискурс и в юридическое образование. В результате современная юриспруденция в качестве базовой теории пользуется схоластической юридической догматикой как совокупностью формальных и сущностно-бессодержательных определений, неспособных отразить современные правовые реалии. Собственно, именно против подобной ремесленнической практики и боролись защитники полнокровных юридических концепций Л.И. Петражицкий, Н.Н. Алексеев и Г.Д. Гурвич.

На наш взгляд, имеет смысл осуществлять не спиритуализацию теории права, а натурализацию философии права. Следует указать на основные позиции философии сознания Дж. Сёрла, которые могут использоваться для подобной натуралистической модернизации отечественной спиритуалистской теории права. Это касается, прежде всего, стратегических принципов, а именно идеи сознания, личности и ценностей. В частности, именно Джон Сёрл выступает против широко распространенной в аналитической философии неюмовой концепции личности, причем не с романтических, а с рационалистических и натуралистических позиций. Натурализация в данном случае спасает от редукционизма. «Если мои поступки действительно полностью вызваны моими убеждениями и желаниями, — пишет он, — и я не

могу с ними справиться, то у меня нет выбора, а рациональность никоим образом не может повлиять на мое поведение. Если я нахожусь в тисках причинно достаточных условий, то нет простора для размышлений и мое действие выпадает из сферы рациональной оценки» [11].

Сёрл показывает, что объяснение рационального действия, выстроенное как причинное объяснение, не функционирует. Причин, как правило, недостаточно, чтобы истолковать действие. И в то же время они полностью адекватны. Чтобы объяснение было доступно для понимания, следует думать о нем не как о причине, определяющей ход событий, но констатировать основания, в соответствии с которыми действовал сознательный рациональный субъект. Этот субъект есть личность. Если же в качестве деятельного субъекта предстает личность, то вступает в силу множество других сложных понятий, в частности, понятие ответственности с сопутствующими понятиями порицания, вины, достоинства, награды, наказания, похвалы и неодобрения. Именно эти и подобные им понятия конституируют теоретико-правовые концепции.

Формально считается, что в рациональном действии присутствует активная личность, но к процессу восприятия не предъявляется такого требования, как присутствие субъекта или воспринимающей личности. Следовательно, представление Юма обо мне как о последовательности идей, даже обновленное и включающее в себя тело со всеми его склонностями, не охватывает всего спектра важнейших требований рациональной деятельности. Личность не является ни восприятием, ни объектом для восприятия. Скорее, «личность» — это название той сущности, которая испытывает свои же действия как нечто большее, чем инертный пучок. Постулирование личности не требует, чтобы мы как-то воспринимали себя. Наблюдая что-либо, мы имеем визуальное восприятие. Чтобы объяснить его, мы должны постулировать точку зрения, к которой привязано это восприятие, хотя сама точка зрения не является восприятием и сама она не воспринимается. Аналогичным образом, восприятие свободных действий требует личности, хотя личность не есть восприятие или объект восприятия.

Но это решение покупается дорого. Если личность не является объектом восприятия, то, будучи сознательной, она предполагает соответствующую онтологию. И здесь Дж. Сёрл делает решительный шаг. «Сознательным ментальным состояниям и процессам, — пишет он, — присуща особая черта, которой не обладают другие естественные феномены, а именно субъективность. Как раз эта черта сознания и делает его изучение столь не поддающимся общепринятым методам биологического и психологического исследования, а также наиболее загадочным для философского анализа» [12].

Онтология субъективности есть онтология наблюдения, онтология аспектуального отношения к миру, которая является основой построения теории ценностей как основы определения понятия права в отечественной интерналистской теоретико-правовой традиции.

Конечно, концепцию Джона Сёрла не следует абсолютизировать в качестве окончательной истины. У нее есть сторонники, есть и противники. Возможно, проблема личности действительно кажется неразрешимой загадкой для классического естественнонаучного объективизма. Многие мыслители пытались преодолеть эту проблему ценой дискредитации науки как таковой и реанимации классической метафизики, либо «честным» возвращением к христианскому персонализму. Аналитическая философия сознания, если и не решает проблемы сознания, личности и свободы воли, то во всяком случае, позволяет отнестись к ним рефлексивно. По крайней мере, философия сознания Дж. Сёрла позволяет не только обновить концепции отечественных теоретиков права, но и стимулировать формирование интерналистских концепций в отечественной гуманитарной науке.

Литература:

1. *Яценко А.С.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1999. С. 164.
2. *Солоневич И.Л.* Народна монархия. М., 2002. С. 468.
3. *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. СПб., 1999. С. 135.
4. *Гурвич Г.Д.* Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 339.
5. *Поляков А.В.* Онтологическая концепция права // Право и политика. 2000. № 6. С. 11.
6. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. СПб., 2005.
7. *Алексеев Н.Н.* Указ. раб. С. 71.
8. *Алексеев Н.Н.* Указ. раб. С. 119.
9. *Гурвич Г.Д.* Указ. раб. С. 127.
10. *Ильин И.А.* Основные задачи правоведения в России // Собр. соч.: в 10 т. М., 1999. Т. 9—10. С. 222.
11. *Сёрл Дж.* Рациональность в действии. М., 2004. С. 168.
12. *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. М., 2002. С. 102.